

РЕЦЕНЗИИ

Bralewski S. Obraz papiestwa w historiografii kościelnej wczesnego Bizancjum. Łódź: Wydawnictwo uniwersytetu Łódzkiego, 2006. 334 s. (Byzantina Lodziensia; 10). (Бралеvский С. Образ папства в церковной историографии ранней Византии. Лодзь, 2006. 334 с.)

Книга Славомира Бралеvского «Образ папства в церковной историографии ранней Византии» представляет собой выполненную в университете г. Лодзь абилитационную работу, что соответствует докторской диссертации в российской научной системе. Автор рассматривает все пять написанных на греческом языке и при этом целиком сохранившихся трудов по церковной истории IV–VI вв., принадлежащих Евсевию Кесарийскому, Сократу Схоластику, Созомену, Феодориту Кирскому и Евагрию Схоластику. Исследователь привлекает и другие источники по истории того времени, например: произведения отцов Церкви, латинскую «Церковную историю» Руфина Аквилейского или сохранившееся в пересказе Фотия историческое сочинение Филосторгия.

Первая глава (с. 9–24) представляет собой вступление, где в общих чертах излагается исследуемая проблема. Перечисляя занимавшихся тем же предметом исследователей (с. 20–22), историк не пытается выделить различия в их подходах и оценках. Во второй главе по очереди рассматривается отношение каждого из пяти изучаемых авторов к апостольскому происхождению римского престола. С. Бралеvский приходит к выводу, что Евсевий, сознавая связь Рима с апостолом Петром, намеренно не упоминал как о евангельских высказываниях, в которых указывалось на особое положение Петра по отношению к прочим апостолам, так и о словах свт. Игнатия Антиохийского и Ириния Лионского по поводу преимуществ Римской Церкви. По мнению историка, в таком подходе отразилось беспокойство Евсевия перед стремлением Римской Церкви обеспечить себе первенство (с. 24–49, 265).

Сравнивая труды Сократа и Созомена, автор книги отмечает, что первый из них, в отличие от второго, не использовал выражений вроде «престол Петра» или «апостольский престол» по отношению к Римской Церкви (с. 49–52). Подобным образом поступал и Феодорит Кирский, в историческом произведении которого словосочетание «апостольский престол» появляется лишь в цитате из послания папы Дамаса I (с. 56–57). Тот же автор, как отмечает С. Бралеvский, при перечислении престолов всегда ставил Римскую Церковь перед Антиохийской, к которой принадлежала возглавляемая Феодоритом Кирская епархия. Подобно Феодориту, Евагрий Схоластик использовал обозначение «апостольский престол» по отношению к римскому лишь в приводимых им цитатах (с. 57–58).

В третьей главе рассматривается, как упомянутые авторы (за исключением Евагрия) изображали отдельные события церковной истории в период, предшествующий I Никейскому Вселенскому Собору (325 г.). Автор последовательно разбирает сообщения ранневизантийских историков — и прежде всего Евсевия — о послании Климента Римского к коринфянам (с. 59–63), о пасхальном споре (с. 63–68), об отношении к новатианам (с. 68–76), о спорах по поводу крещения еретиков при папе Стефане I (с. 76–82), об отношении римских епископов к монотанистам, Оригену и Павлу Самосатскому (с. 82–85). В числе прочих обсуждается вопрос, почему Евсевий в своем произведении умолчал о переписке Дионисия Римского с Дионисием Александрийским (с. 85–88).

В четвертой главе сопоставляются содержащиеся в трудах Сократа, Созомена и Феодорита трактовки тех событий церковной истории между I Никейским и Эфесским (431 г.) Вселенскими Соборами, в которых принимали деятельное участие римские предстоятели. Прежде всего С. Бралеvский обращает внимание на то, как названные историки объясняли отсутствие папы на I Никейском Соборе (с. 89–94). Далее исследователь обращается к защите свт. Афанасия Великого папой Юлием I и высказанным в связи с ней утверждениям римского первенства (с. 94–133). С. Бралеvский вступает на зыбкую почву догадок, когда предполагает, что сведения Сократа о возвращенных папой на их престолы восточных епископах происходят от самого византийского историка (с. 112–114), т. е. являются его изобретением. Рассматривая отношение к папе Либерию в трудах ранневизантийских историков, автор книги приходит к выводу, согласно которому Сократ, Созомен и Феодорит не были заинтересованы в передаче всех доступных им сведений об этом понтифике (с. 133–152). В самом деле, данные об уступках папы Либерия арианам не вписывались в разделяемый Сократом и Созоменом образ папства как оплота Православия. Что же касается Феодорита, то его молчание исследователь объясняет отношением историка к Либерию, равно как и к Осии Кордубскому, как к борцу за независимость Церкви от государства.

Как отмечает С. Бралеvский, поскольку Сократ и Созомен сообщали об обращении македониян к папе Либерию с просьбой принять их в кафолическую Церковь, последний в изображении названных историков оказывался «вратами» во вселенскую Церковь (с. 152–157). Молчание Сократа об уступках арианству на Соборе в Аримине 359 г. исследователь предположительно объясняет тем, что византийский историк будто бы желал защитить доброе имя западных епископов, главой которых, в конечном счете, был папа (с. 152–161). Однако поскольку сам тогдашний хозяин римского престола не принял участия в этом Соборе, такое объяснение может показаться шатким. Автор книги допускает, что под исповеданием веры западных епископов, отвергнутым на македониянском Соборе в Лампсаке, подразумевался символ, подписанный раньше папой Либерием. Соответственно, в сообщении Созомена об этом событии С. Бралеvский видит попытку «произвести впечатление» того, что именно мнение папы было очень важно для многих епископов на Востоке (с. 163–164). С этим соображением вряд ли можно согласиться, поскольку византийскому читателю оставалось неясным, о каком именно исповедании шла речь и было ли оно подписано папой. Так как Созомен и Феодорит в своих сочинениях целиком привели послание Римского Собора к иллирийским епископам, в котором говорится о необходимости выслушивать мнение папы перед всеми прочими мнениями, исследователь заключает, что оба

историка поступили так в стремлении представить римского предстоятеля «стражем веры» (с. 164–165).

С. Бралевский разбирает, как Сократ и Созомен представляли защиту папой Дамасом I Петра Антиохийского (с. 167–172) и как Созомен и Феодорит сообщали об эдикте императора Феодосия I (380 г.), согласно которому вера Дамаса I признавалась критерием правильного учения (с. 172–176). Особое внимание в работе уделено отношению того же папы к антиохийскому расколу IV в. в изображении трех названных историков (с. 177–204). Рассматриваются также сообщаемые Феодоритом сведения о переговорах между восточными епископами и Дамасом I в 382 г. (с. 204–208) и рассказы Феодорита и Созомена о попытках западных епископов и папы Иннокентия I защитить Иоанна Златоуста (с. 209–220). Молчание Сократа об участии папы Целестина I в несторианских спорах С. Бралевский объясняет тем, что не назвавший Нестория еретиком историк будто бы считал осуждение того римским предстоятелем вероучительной ошибкой, не вписывавшейся в образ отстаивавшего истину папства (с. 220–221). Однако Сократ отнюдь не оправдывал учение Нестория, которое он связывал с малой образованностью и пустословием константинопольского предстоятеля, а потому вряд ли стал бы и умалчивать об осуждении того папой лишь на таком основании. Исследователь, как нам кажется, ближе к истине, когда в связи с этим вопросом указывает на недовольство историка преследовавшим новатиан Целестином I и на то, что выступление папы на стороне свт. Кирилла Александрийского придавало больше весу святителю, к которому Сократ испытывал неприязнь (там же). Как отмечает С. Бралевский, иным было отношение к свт. Кириллу Евагрия Схоластика, сообщившего об участии в спорах Целестина I. Пятая глава книги посвящена содержащемуся в историческом произведении Евагрия изображению папства между халкидонским собором 451 г. и концом VI в. (с. 227–262).

В шестой главе подводятся итоги всей книги. По мнению С. Бралевского, решающее влияние на отношение Евсевия Кесарийского к папству оказало осуждение Дионисием Римским взглядов Дионисия Александрийского. Автор книги находит весьма правдоподобным предположение, что именно в пику Риму историк подчеркивал значение ранней Церкви Иерусалима. Не случайной исследователь считает и скорее необычную для Евсевия сдержанность в цитировании каких-либо документов, происходивших от римских епископов. В целом же, отмечает С. Бралевский, византийский историк усматривал значение римского престола в осуществляемых им делах милосердия и в материальной и духовной поддержке преследуемых братьев по вере. Автор книги допускает, что на отношение Евсевия к папству повлияла также идея, согласно которой церковное первенство в конечном счете принадлежало христианскому императору (с. 263–266).

Как заключает С. Бралевский, сложным был образ папства в сочинении Сократа, который, считая римский престол верховным в Церкви, в то же время подвергал его «острой критике». По утверждению исследователя, Сократ расходился с исторической правдой, когда писал о существующем в Церкви каноническом запрете принимать новые постановления (каноны) вопреки мнению папы (с. 267). Однако автор книги сам ранее установил, что византийский историк, как и папа Юлий I, использовал в своем произведении слово «канон» в широком смысле, как указание на церковную практику, а не на одно лишь записанное право (с. 97–100). Об обычае (ἔθος) относить важные церковные дела на усмотрение

римского епископа писал в сер. IV в. тот же Юлий I (с. 96). Таким образом, приведенное мнение Сократа, вопреки С. Бралевскому, основывалось на представлениях и соответствующей практике кругов, связанных с Римской Церковью.

Согласно С. Бралевскому, византийский историк был также далек от реалий своего времени, заявляя о праве папы возвращать епископские престолы тем, кто их несправедливо лишился (с. 267). Как представляется, в этом случае исследователь упускает из виду упомянутые им же выше (с. 95) 3-й, 4-й и 5-й каноны Сердикского Собора, предоставлявшие римскому епископу право апелляционного суда. Предположение автора книги о том, что своим рассказом о разграблении Рима Аларихом Сократ выдвигает «тезис об упадке значения папства» (с. 269), выглядит малоубедительным — ведь византийский историк не заявлял о связи между благополучием города и положением его епископа во Вселенской Церкви. Необоснованным кажется и замечание исследователя о том, что Сократ «приписывал» положение папы политическому значению города (там же). Византийский историк действительно упоминал о неких «преимуществах», дарованных Риму, как и Константинополю, Константином Великим (см.: Сократ Схоластик. Церковная история. I 39). Однако ничто не позволяет заключить, что именно к этим «преимуществам» Сократ возводил те широкие правомочия, которыми в его представлении располагал папа. Вопрос о причинах высокой оценки историком папства остается в итоге без ответа.

Созомен, по мнению С. Бралевского, в своем старании защитить авторитет римских епископов не избегал даже обмана (с. 272). Подобный вывод представляется весьма вероятным, хотя и не единственно возможным. Так, если сообщение историка об обращении папы Юлия I к императору Константу в защиту свт. Павла Константинопольского и Афанасия Великого отсутствует в труде Сократа, ставшим основой для сочинения Созомена (с. 120, 271), это еще не обязательно означает, что последний выдумал это сведение. Замечание Созомена о том, что отправленное будто бы Иннокентием I в Константинополь посольство причинило там беспокойство «заграничной власти» (ὕπερῶριον ἀρχήν), исследователь считает косвенным свидетельством в пользу мнения, согласно которому послы на самом деле представляли не папу, а западного императора Гонория, как они и описаны в труде Сократа (с. 211–213). Однако византийскую власть можно было воспринимать как заграничную по отношению и к западному императору, и к папе. Поэтому данное место не доказывает того, что Созомен из сугубо идейных соображений переиначил сообщение Сократа. Более обоснованными представляются соображения автора, согласно которым Созомен был связан с сестрой Феодосия II Пульхерией и с константинопольским предстоятелем Флавианом, которые были союзниками римского епископа в деле противостояния монофизитству. Как полагает исследователь, историк рассчитывал своим трудом убедить императора в правоте папства как прежде, так и в то время (с. 273–274).

Как предполагает С. Бралевский, Феодорит не хотел переносить первенство Петра среди апостолов на римских епископов, осознанно умалчивал о деятельности папства в защите Иоанна Златоуста и в целом старался так писать свою «Церковную историю», чтобы не дать римским предстоятелям доводов для обоснования их притязаний. Автор книги обращает внимание на отличие этого подхода от весьма высокой оценки папского первенства, содержащейся в письмах Феодорита священнику Ренату и папе Льву I. Поскольку эти послания были

написаны после осуждения кирского епископа в 449 г. и имели своей целью снизить защиту их автору, С. Бралеvский допускает, что тот не был в них искренним, и заключает о знакомстве Феодорита с притязаниями папства во время написания им «Церковной истории» (с. 278–280). Очевидно, подобный вывод оправдан лишь в том случае, если относить это событие ко времени ок. 449–450 гг., в соответствии с распространенной в научной литературе точкой зрения. Автор рецензируемой работы не ставит вопроса о том, насколько эта датировка обоснована, как и не разбирает возможных причин сдержанности Феодорита по отношению к римским епископам.

Что же касается исторического произведения Евагрия, то оно, по мнению исследователя, отражало не только собственные взгляды автора, но и те ожидания, которые возлагались на его труд при дворе императора Маврикия. Как отмечено в книге, последний избрал папского легата Григория крестным собственного сына и производил свой род из Рима (с. 280–281). Остается не вполне ясным, почему расположение императора к легату, римскому предстоятелю как таковому или городу Риму должны были расположить Евагрия к умалчиванию о событиях, способных вызвать у читателя сомнения в первенстве папства. По мнению С. Бралеvского, все пять историков были убеждены в большом престиже папства в Церкви, но при этом «насколько Сократ и особенно Созомен и Евагрий подчеркивали первенство римских епископов <...>, настолько Евсевий и Феодорит были склонны самое большее отличать их (т.е. пап) с точки зрения величины и древнего происхождения Римской Церкви» (с. 281–282).

В рецензируемой работе впервые последовательно и целостно сравниваются воззрения на папство пять названных ранневизантийских историков. Она выполнена на основе большого количества источников и с учетом предшествующей научной литературы. Автор не сосредотачивается на критике своих предшественников, лишь изредка отмечая свое несогласие с теми или иными существующими мнениями. В то же время ряд предположений и выводов исследователя, прежде всего касающихся сочинения Сократа Схоластика, представляется весьма спорным.

А. В. Бармин